

положений о недопустимости использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона.

Примечания

¹ Здесь и далее используются примеры из личной практики автора.

² См., например: Михайлов, А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства / А. Михайлов // Законность. – 2003. – №4. – С. 29; Мосов, Д.О. Участие понятых в производстве следственных действий и допустимость доказательств в современном российском уголовном судопроизводстве / Д.О. Мосов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – №6. – С. 264-265.

³ В рассмотренном выше в качестве иллюстрации уголовном деле защитой было заявлено ходатайство об исключении более 50 доказательств, при получении которых допущены те или иные – иногда несколько – нарушения требований УПК РФ.

⁴ См., например: Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2006. – С. 113.

⁵ См.: Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2000. – С. 47.

⁶ Михайловская, И.Б. Указ. соч. – С. 113.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

С.А. Шейфер*

РЕФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ВОЗРОЖДАЕТСЯ ЛИ «ПРОКУРОРСКОЕ ДОЗНАНИЕ»?

1. На протяжении веков предварительное досудебное производство в России постоянно меняло свои формы, свое место в системе правоохраны, а следовательно и свою роль в достижении целей судопроизводства.

---

* © Шейфер С.А., 2008

Шейфер Семен Абрамович – заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

В процессе исторических преобразований предварительного производства важнейшей точкой отсчета является Закон Российской империи от 8 июля 1860 г., создавший взамен следственного аппарата, входившего в систему полицейских органов, Учреждение судебных следователей. Наказами судебным следователям и полиции вновь учрежденные судебные следователи вводились в состав судебной власти в качестве членов Окружного суда, за полицией же сохранялась обязанность выявления противозаконных деяний и лиц, их совершивших, путем негласного разведывания, т.е. дознания, как себе его представляли тогдашние законодатели. Эта система была воспринята и Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., в соответствии с которым судебный следователь, будучи независимым субъектом доказывания, должен был все же представлять на утверждение суда ряд своих решений. Ученые-процессуалисты того времени отмечали, что, несмотря на отнесение следователей к судебной власти, их деятельности, ввиду тесной связи с полицейским дознанием и зависимости от прокурора, не хватало объективности, ей были присущи обвинительные элементы¹.

Первые советские Уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. во многом сохранили роль следователя, определенную Уставом уголовного судопроизводства: народные следователи состояли при райгорсудах, а их конфликты с прокурором могли решаться судами.

2. Однако в 1928 г. на фоне сплошной коллективизации и усиления борьбы с «классовыми врагами» произошло кардинальное изменение места следственного аппарата в правоохранительной системе: следователи были изъяты из судебного ведомства и переданы в подчинение и надзор прокуратуры. Это был второй исторический этап кардинального изменения законодателем роли следователя. Следователи полностью утратили свою самостоятельность и, по мнению А.Я. Вышинского, превратились в помощников прокуроров по следствию. Появились клички следователей – «прокурорский порученец» или еще более обидная – «прокурорская затычка». В теории констатировалось, что в нашей стране возникла новая, неизвестная прежним временам, форма предварительного расследования – прокурорское расследование, при котором прокурор – это «хозяин дела»². Позже Ю.В. Деришев, обстоятельно проанализиро-

вав процесс становления форм предварительного расследования в отечественном судопроизводстве, назвал досудебное производство «прокурорским дознанием» и подверг его критике за несоответствие подобной организации расследования роли следователя как объективного и непредвзятого исследователя³.

Действительно, место и роль органов расследования в общей системе правоохраны, в котором они оказались в результате реформы 1928-1929 гг., существенно отличались не только от их места и роли, определенных Уставом уголовного судопроизводства, но и от положения органов предварительного расследования в странах континентальной системы права, по образцу которых в свое время было организовано досудебное производство в нашей стране. Так, в уголовном процессе Франции «прокурорским дознанием» охватывалась только деятельность судебной полиции, предварительное же следствие начиналось с предъявления прокурором «уголовного иска», адресованного следственному судье, который и осуществлял дальнейшую следственную деятельность. Именно он, а не прокурор становился с этого момента «хозяином дела». Вторым судебным органом, рассматривающим жалобы на действия следственного судьи и контролирующим правильность расследования, является следственная камера⁴.

Отечественное предварительное расследование в том виде, какой оно приобрело в конце 20-х годов прошлого столетия, оказалось более близким к германской модели судопроизводства. Следует отметить, что организация предварительного расследования в Германии с течением времени изменилась. Существовавшее поначалу, наряду с дознанием, предварительное следствие, с присущей ему фигурой следственного судьи, было впоследствии упразднено и заменено прокурорским дознанием⁵. Оно ведется полицией в форме «свободного доказывания», допускающего и применение оперативно-розыскных мер, которое имеет целью обосновать подозрение против определенного лица и подготовить материалы для суда. Существенная черта дознания — руководство прокурора, который, впрочем, и сам может проводить дознание. Однако и при такой организации расследования все же остается судебный контроль за его проведением: для принятия наиболее важных решений прокурор обращается к участковому судье-дознавателю (следственному судье), который

по его просьбе проводит соответствующие следственные действия. Эта действующая в настоящая время в ФРГ форма предварительного расследования несколько напоминает «прокурорское расследование», о котором писал М.А. Чельцов, с той, однако, существенной особенностью, что в нем полностью отсутствовали процессуальные гарантии независимости и самостоятельности следователя, а власть прокурора ничем не ограничивалась.

3. С принятием в 1961 г. нового УПК РСФСР существенных изменений в положении следователя не произошло. Провозгласив процессуальную самостоятельность следователя (ст. 127), закон фактически оставил его в подчинении прокурора. Право следователя не соглашаться с указаниями прокурора осталось эфемерным: случаи, когда следователи воспользовались этим правом, исчислялись единицами. В то же время УПК РСФСР регламентировал дознание как упрощенную форму предварительного расследования, отграничив его от предварительного следствия, в то время как раньше оно фактически сливалось с ним, что порождало неоправданный параллелизм и нарушения закона. Однако законодатель не пошел по намеченному Уставом уголовного судопроизводства пути регламентации дознания как полицейской деятельности, производимой в целях обнаружения преступлений и виновных лиц, превратив дознание в самостоятельную форму расследования, мало чем отличающуюся от предварительного следствия.

Принятый в 2001 г. новый УПК РФ не внес заметных изменений в положение следователя. Его процессуальная самостоятельность, ограниченная вновь учрежденным судебным контролем за предварительным следствием и обязанностью согласовывать многие свои решения с прокурором, фактически оказалась еще более ущемленной. Была установлена обязанность следователя согласовывать с прокурором решение о возбуждении уголовного дела (чего не было раньше), прекращении дела по нереабилитирующим основаниям. Как и прежде, предварительное следствие оставалось «прокурорским расследованием».

4. Третьей вехой на пути изменения роли следователя и его взаимоотношений с прокурором стало принятие Федерального закона №87-ФЗ от 5 июня 2007 г.

Федеральный Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» одновременно с учреждением нового независимого следственного подразделения – Следственного комитета при прокуратуре РФ – существенно изменил статус прокурора в досудебном производстве и характер его отношений со следователем. За прокурором сохранена функция уголовного преследования, однако функция руководства предварительным следствием и, в значительной мере, надзора за ним передана новой процессуальной фигуре – руководителю следственного органа (РСО), учрежденной взамен прежнего участника процесса – начальника следственного отдела (ст. 39 УПК).

Вопреки мнениям некоторых ученых, усматривающих в новых законоположениях укрепление процессуальной самостоятельности следователя, его статус в основном остался прежним, не считая того, что все ограничения самостоятельности, исходившие ранее от прокурора в виде необходимости получения его согласия на принятие ряда решений, исходят теперь от руководителя следственного органа⁶. Итак, следователь стал во многом независимым только от прокурора, хотя ряд полномочий последнего ставит следователя в определенную зависимость от его решений. Единственной «уступкой» стало освобождение следователя от обязанности согласовывать свое решение о возбуждении уголовного дела с лицом, руководящим расследованием, поскольку учеными и практиками эта норма оценивалась как неэффективная и нецелесообразная.

В соответствии с Федеральным Законом от 05.06.2007 г. прокурор утратил полномочия возбуждать уголовное дело, а по отношению к предварительному следствию – давать указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий, разрешать отводы, заявленные следователю, отменять его незаконные и необоснованные постановления. Отменена необходимость получения следователем согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, на прекращение дела за примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием, в отношении несовершеннолетних, с применением по суду мер воспитательного воздействия и т.д.

Теперь эти полномочия осуществляет руководитель следственного органа (кроме дачи согласия на возбуждение уголовного дела,

упраздненного полностью, в том числе и в отношении органа дознания). Тем не менее за прокурором сохранен ряд полномочий, пользуясь которыми он может устранять нарушения закона следователем и добиваться эффективного осуществления им уголовного преследования. Таковы полномочия: а) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК); б) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК); в) передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому по правилам подследственности (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК); г) изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования и передавать его следователю Следственного комитета при прокуратуре РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК); д) отменять признанное им незаконным или необоснованным постановление следователя о возбуждении уголовного дела в срок не позднее 24 часов с момента получения копии постановления (ч. 4 ст. 146 УПК); е) освобождать всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или незаконно помещенного в медицинский либо психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше установленного срока (ч. 2 ст. 10 УПК РФ).

Все эти полномочия имеют распорядительный характер, вследствие чего было бы неверным считать, что прокурор полностью утратил возможность своим непосредственным вмешательством в деятельность следователя, осуществляемую на досудебных этапах производства, направлять ее в надлежащее русло.

Однако на остальные случаи нарушения закона в ходе предварительного следствия прокурор может реагировать лишь предъявлением требования к следственному органу об устранении допущенных нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК). Но и это требование не является для следователя и руководителя следственного органа обязательным и может быть оспорено ими.

5. Федеральный Закон от 05.06.2007 г. сохранил за прокурором значительную часть полномочий, которыми он располагал при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением. Он вправе утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд, но может и возвратить его следователю со сво-

ими письменными указаниями для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК). При этом он вправе также отменить меру пресечения в виде заключения под стражу, если срок содержания под стражей истек, а процедура истребования отсрочки была нарушена (ч. 2 ст. 221 УПК). Поскольку ч. 3 ст. 88 УПК сохраняет за прокурором право признавать доказательства недопустимыми, может оказаться, что, исключив, как недопустимые, доказательства, на которых следователь построил обвинение, прокурор придет к выводу, что оно лишено оснований и дело следует прекратить. Однако ФЗ от 05.06.2007 г. лишил прокурора права прекратить дело, которым он располагал ранее. При таких обстоятельствах прокурор вправе лишь потребовать в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК устранения нарушений федерального законодательства. Аналогичным образом прокурор поступает, обнаружив факт необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела. Не имея права отменить постановление следователя, он может лишь ставить вопрос перед руководителем следственного органа об отмене постановления (ч. 6 ст. 148 УПК). И только при рассмотрении дела, поступившего к прокурору с постановлением следователя о направлении дела в суд для применения мер медицинского характера (ч. 4 ст. 439 УПК) прокурор вправе не только направить дело в суд или возвратить его следователю для производства дополнительного расследования, но и прекратить его производство (п. 3 ч. 5 ст. 349 УПК). Несоответствие полномочий прокурора в отмеченных ситуациях вряд ли поддается логическому объяснению.

6. Однако указанные выше распорядительные полномочия прокурора могут быть существенно ослаблены правом следователя обжаловать решения прокурора. Так, не согласившись с возвращением ему прокурором уголовного дела, направленного с обвинительным заключением, следователь вправе обжаловать решение прокурора вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору РФ, причем обжалование приостанавливает исполнение решений прокурора (ч. 4 и 5 ст. 221 УПК). Следователь также имеет право оспаривать требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, перед руководителем следственного

органа, представляя ему свои возражения (ч. 3 ст. 38). Последний в этом случае становится своеобразным арбитром, разрешающим конфликт между следователем и прокурором, и может «отказать» прокурору, проинформировав его о своей несогласии с его требованиями (ч. 4 ст. 39). В такой ситуации прокурор может добиться исполнения своих требований, используя сложную многоступенчатую процедуру оспаривания возражений перед вышестоящими руководителями следственного органа, и лишь при их несогласии – перед Генеральным прокурором РФ, решение которого является окончательным (ч. 6 ст. 37 УПК).

7. Важным аспектом надзорной деятельности прокурора остается его участие в процедуре осуществления судом контроля за законностью предварительного расследования. Закон от 5 июня 2007 г. сохранил и регламентировал в отдельной норме (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК) традиционные формы этой деятельности, включив в статус прокурора его право участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства ходатайств следователя (и дознавателя): а) об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, продлении срока действия этой меры либо о ее отмене или изменении; б) о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения (ст. 29 УПК РФ). Сохранено также право прокурора участвовать в судебном разбирательстве при рассмотрении жалоб на действия органов предварительного расследования в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ. Генеральный прокурор РФ своим приказом от 6 сентября 2007 г. №136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» обязал прокуроров участвовать в судебных заседаниях по разрешению жалоб.

При этом возникает острая проблема. Ранее прокуроры не считали нужным пользоваться своим правом и являться в суд для участия в рассмотрении ходатайств следователя, исходя из того, что их позиция уже выражена в этом официальном документе, согласованном с ним. Но теперь следователь согласовывает ходатайство не с прокурором, а с руководителем следственного органа. Поэтому Генеральный прокурор РФ, стремясь усилить надзорную деятельность прокурора, в упомянутом приказе от 06.09.2007 г. №136 обязал

прокуроров участвовать в заседаниях суда по рассмотрению ходатайств следователя.

8. Новые законоположения придают иной, нежели раньше, смысл содержанию деятельности прокурора в суде в рассмотренных выше ситуациях. Если, согласно прежнему законодательству, прокурор приходил в суд с намерением отстаивать согласованную с ним позицию следователя о необходимости избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста (а теперь – и залога), о необходимости проведения следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (обыск, выемка в жилище, выемка предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, осмотр в жилище против воли проживающих в нем лиц) и других процессуальных действий, также ограничивающих конституционные права граждан (ст. 29 УПК), то теперь его позиция становится иной. Будучи не связанным позицией следователя, прокурор в суде, оставаясь органом уголовного преследования и стремясь обеспечить его верное направление, высказывает свое мнение об обоснованности и законности ходатайств. Подчеркивая эту мысль, Генеральный прокурор РФ в приказе от 06.09.2007 г. **обязывает** прокуроров в каждом случае участия в судебном заседании составлять письменное **заключение** об обоснованности заявленного ходатайства для приобщения к рассмотренным судом материалам. В соответствии с этим приказом с целью своевременной выработки обоснованной позиции по заявленному ходатайству прокурор должен **предлагать** руководителю следственного органа одновременно с направлением дела в суд направлять в прокуратуру копию согласованного с ним ходатайства следователя, а также копии материалов, подтверждающих его обоснованность. Естественно, что в суде прокурор может и не поддержать ходатайства, признав его незаконным или необоснованным.

Определенным своеобразием отличается деятельность прокурора по надзору за законностью и обоснованностью следственных действий, проведенных ввиду их неотложности, без получения разрешения суда. В ч. 5 ст. 165 УПК сохранено положение о том, что следователь должен уведомить о проведении таких действий не только суд, но и прокурора, приложив к уведомлению копии постановления

о проведении следственного действия и протокол его проведения. Получив уведомление и приложенные к нему материалы, прокурор, еще до рассмотрения их судом, может найти проведение следственного действия незаконным или необоснованным и обосновать свою позицию перед судом. В принципе, как это видно из ч. 3 ст. 88 УПК, прокурор вправе своим постановлением и до суда признать полученные следователем доказательства недопустимыми.

9. Изменяя процессуальное положение прокурора, законодатель, по-видимому, предполагал, что представленные прокурору полномочия (хотя и ограниченные новым законом) достаточны для того, чтобы он, как должностное лицо, осуществляющее надзор за предварительным следствием, будучи незаинтересованным в определенном его исходе, мог с необходимой принципиальностью и ответственностью реагировать на нарушения закона, допущенные следователем или его руководителем, и добиваться их устранения. Это закономерно порождает возможность расхождения в позициях прокуроров и следователей, а также руководителей следственного органа по актуальным проблемам досудебного производства.

В практике обозначились два подхода к преодолению возможных и реально возникающих противоречий. Судя по нашим наблюдениям, многие следователи Следственного комитета, стремясь избежать нежелательных для них решений прокурора при рассмотрении дела, переданного ему с обвинительным заключением, как и прежде, обращаются к прокурору, неофициально согласовывая с ним вопросы о возбуждении уголовного дела, круге обвиняемых, доказанности обвинения, квалификации их действий и т.п.

Другой подход состоит в использовании сложной процедуры преодоления конфликтов, установленной новыми законоположениями. Характерным является освещенный на страницах печати пример с возбуждением Следственным комитетом при прокуратуре РФ нового, помимо возбужденного ранее, уголовного дела в отношении заместителя министра финансов РФ Сторчака о превышении им должностных полномочий. Генеральная прокуратура РФ, руководствуясь ч. 4 ст. 146 УПК РФ, признала возбуждение уголовного дела необоснованным и отменила постановление о возбуждении дела. Со своей стороны Следственный комитет признал незаконным постановление Генпрокуратуры об отмене постановления о возбуж-

дении уголовного дела и готовится обжаловать это постановление в суд⁷. Возникает своеобразная «битва» двух правоохранительных ведомств⁸.

В связи с этим обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. значительная часть полномочий прокурора передана не только руководителям Следственного комитета при прокуратуре РФ, но и всем должностным лицам, руководящим следственными подразделениями в органах МВД, ФСБ, Госнаркоконтроля, притом что эти следственные подразделения, в отличие от вновь образованного Следственного комитета, не выведены из состава ведомств, а ведомства, в которых они состоят, являются и органами дознания. В этой ситуации возникает вопрос: достаточно ли при существующей зависимости ведомственных следственных органов от органов дознания и существенном ослаблении прокурорского надзора за ними меры обеспечения законности в деятельности следственного аппарата этих ведомств?

Как уже отмечалось, упомянутый выше Приказ Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. №136 предусматривает ряд мер по организации прокурорского надзора в новых условиях. Они в целом направлены на сохранение и даже усиление возможности органов прокуратуры предотвращать и устранять нарушения законности в деятельности следственного аппарата. Как сказано в Приказе от 06.09.2007 г., прокуроры должны «в полной мере использовать имеющиеся полномочия для эффективного надзора за законностью деятельности следственных органов, защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены». Приказ предусматривает жесткий контроль прокуратуры за законностью возбуждения уголовных дел и отказов в возбуждении дел, привлечения в качестве обвиняемого, соблюдения требований, обеспечивающих допустимость доказательств, прекращения и приостановления дел. Приказ также обязывает прокуроров при необходимости истребовать уголовные дела для изучения, а при рассмотрении дел, поступивших с обвинительным заключением, при наличии оснований выносить постановление о признании доказательств недопустимыми – и об исключении их из обвинительного заключения.

Эти положения свидетельствуют о том, что прокуратура отнюдь не желает полностью устраниваться от руководства расследованием, а наоборот, некоторым образом расширяет и усиливает свои определенные законом полномочия по надзору за предварительным следствием. Как заявил Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка на встрече с журналистами «Российской газеты», он обязал прокуроров выезжать на места преступлений с целью оказания помощи следователям, в большинстве случаев молодым, недостаточно опытным. По словам Ю. Чайки, за три с небольшим месяца прокуроры выезжали на места преступлений 4,5 тыс. раз (заметим, что участие прокурора в проведении следственных действий, ранее регламентированное п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК, новой редакцией ст. 37 не предусмотрено). Он высказался также за возвращение прокуратуре права выражать свою позицию при возбуждении следователем ходатайства перед судом об избрании меры пресечения (оно, повторим, передано теперь руководителю следственного органа).

Однако существующие в стране следственные аппараты принадлежат к разным структурам — вновь созданный Следственный комитет состоит «при прокуратуре РФ», а ведомственные следственные подразделения — при соответствующих органах исполнительной власти. Если первый, в силу традиций и сохраняющейся связи с прокуратурой, функционирует в определенной мере как правоохранительный орган, каким по мысли законодателя является прокуратура, то деятельность вторых в значительной степени подчинена служебной дисциплине (по сути полувоенной), с присущим ей безоговорочным исполнением всех распоряжений старших начальников. Отсюда и разное отношение к мерам, принимаемым прокуратурой для обеспечения законности: в ведомственных следственных подразделениях нередко наблюдается корпоративный негативизм по поводу «вмешательства» прокуроров в их работу. При таком положении трудно ожидать эффективности всех намеченных в Приказе Генерального прокурора №136 мер по обеспечению законности в ведомственных следственных подразделениях⁹.

Устранению различий в «психологическо-правовой атмосфере» следственных аппаратов, а следовательно равному отношению к надзорной деятельности прокурора будет способствовать, как

можно ожидать, предполагаемое объединение всех следователей в независимый следственный орган.

11. Наряду с реформированием предварительного следствия Федеральным законом от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», принятым вслед за законом от 5 июня 2007 г., существенно преобразована вторая форма предварительного расследования — дознание. Оно, оставаясь его упрощенной формой, лишенной многих гарантий, присущих предварительному следствию, все больше сближается с предварительным следствием по многим нормативно закрепленным положениям. Теперь срок дознания может быть продлен прокурором до 6 месяцев, что втрое превышает изначальный (2 месяца) срок предварительного следствия. В исключительных случаях (исполнение запроса о правовой помощи) этот срок может быть продлен до 12 месяцев (ст. 223 УПК). Существенно расширена подследственность органов дознания : к ней отнесены дела, возбуждаемые не только в отношении конкретных лиц, но и «по факту» преступления (ч. 2 ст. 223 УПК). Узаконена новая процессуальная фигура — начальника подразделения дознания : она наделена полномочиями, охватывающими сходные полномочия прокурора и руководителя следственного органа (ст. 401 УПК), в том числе изымать у дознавателя уголовное дело и передавать его другому дознавателю, отменять постановления о приостановлении уголовного дела, давать дознавателю указания по наиболее важным вопросам, обязательные для исполнения. Сближение с предварительным следствием проявляется и в установлении особой процедуры ознакомления подозреваемого с возникшим в отношении него подозрением (ст. 223¹ УПК), в определенном смысле аналогичной процедуре предъявления обвинения: составление письменного уведомления о подозрении, близкого по содержанию к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, вручение этого акта подозреваемому, разъяснение ему прав и т.д. Сходство этих актов позволяет рассматривать уведомление о подозрении как своеобразный суррогат привлечения в качестве обвиняемого.

При этом по отношению к органам дознания прокурор сохранил свои полномочия, утраченные им по отношению к органам предварительного следствия. Он вправе давать дознавателю письменные

указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК), давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о проведении процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37), отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37), разрешать отводы, заявленные дознавателю (п. 9 ч. 2 ст. 37), отстранять его при наличии оснований от дальнейшего расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37), утверждать в предусмотренных законом случаях постановление дознавателя о прекращении дела (п. 13 ч. 2 ст. 37). Однако новая редакция ст. 37 УПК не сохранила права прокурора на возбуждение уголовного дела (вместо этого прокурор лишь направляет собранные им материалы органу дознания для решения вопроса об уголовном преследовании), на участие в производстве дознания и на личное производство следственных действий, дачу указаний органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Представляется, что эти ограничения имеют своей целью усилить надзорный аспект во взаимоотношениях прокурора с органами дознания, не исключая в то же время его роли по руководству дознанием. Генеральный прокурор РФ своим приказом от 6 сентября 2007 г. №137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» обязал прокуроров с максимальной эффективностью использовать предоставленные им полномочия, обеспечить надлежащий прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью производства дознания. Можно отметить, что все это не только указывает на сближение дознания с предварительным следствием, но и свидетельствует о буквальном сохранении «прокурорского дознания», о котором в свое время говорили М.А. Чельцов и Ю.В. Деришев. Однако двойственное положение прокурора, во многом утратившего на предварительном следствии свою руководящую роль и сохранившего ее на дознании, трудно объяснить, учитывая, что прокурор на предварительном следствии и на дознании остается главным органом уголовного преследования.

Складывается ситуация, когда в стране фактически действуют два следственных аппарата, наделенных большими и во многом сходными полномочиями, но различающиеся тем, что деятельностью одного из них руководит руководитель следственного органа,

а деятельностью другого – прокурор. Такую структуру органов предварительного расследования трудно объяснить даже созданием в будущем единого следственного органа, так как и в этом случае остаются и функционируют два наделенных широкими, во многом одинаковыми полномочиями, но разноуправляемых следовательских аппарата.

Однако реформирование органов предварительного расследования на этом не завершено. По словам начальника правового управления Генпрокуратуры Е. Сидоренко, Генпрокуратурой совместно с другими силовыми ведомствами с учетом указаний Президента РФ, данных им на координационном совещании правоохранительных органов в ноябре 2006 г., подготовлены два проекта законов о внесении в УПК РФ изменений, представляющих собой новые крупные преобразования предварительного следствия и дознания. Согласно законопроектам, в подследственности следователей остаются, главным образом, дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, а практически все дела о преступлениях небольшой и средней тяжести (ныне составляющие около половины дел, подследственных следователям) передаются в подследственность органов дознания. При этом дела о преступлениях небольшой и средней тяжести будут расследоваться в сокращенном порядке, который будет включать в себя возбуждение и направление в суд уголовных дел частного-публичного и публичного обвинения без проведения предварительного расследования. Е. Сидоренко указал, что в настоящее время эти законопроекты доработаны в соответствии с законами от 5 и 6 июня 2007 г. и направлены для обсуждения во все правоохранительные органы, а также в Следственный комитет при прокуратуре РФ¹⁰.

Информацию о предстоящей реформе предварительного расследования подтвердил и Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка. На встрече с журналистами "Российской газеты" 25 декабря 2007 г. он рассказал, что предполагается создать два вида дознания, один из которых предусматривает упрощенную форму расследования очевидных преступлений небольшой тяжести при согласии обвиняемого и потерпевшего на ускоренный вариант расследования. В этом случае в течение недели можно закончить расследование, предъявить обвинение и направить дело в суд, где оно может быть рассмотрено также по упрощенной схеме.

Второй вид дознания предназначен для преступлений средней тяжести, где расследование будет происходить в течение двух-трех месяцев. Возможно, что по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести не будет применяться заключение под стражу.

В результате, как сказал Ю. Чайка, будет значительно разгруженное предварительное следствие, оно будет производиться по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. В настоящее время дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, расследуемые следователями, составляют около двух третей всех преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом. Прогнозируется и снижение числа лиц, находящихся в местах лишения свободы на время предварительного расследования¹¹.

Независимо от того, как будут выглядеть изменения процессуальных форм предварительного расследования, очевидно, что речь идет о превращении дознания в основную его форму, а также о кардинальном упрощении самой процедуры дознания по делам о преступлениях небольшой тяжести, освобождаемого в целях быстроты судопроизводства от традиционных процессуальных гарантий, которыми в стадии предварительного следствия наделен обвиняемый: заблаговременного предъявления обвинения, возможности ходатайствовать о сборе дополнительных оправдательных доказательств (в том числе требующих для этого длительных затрат времени), оказания постоянной помощи обвиняемому со стороны защитника и т.д. Соответствующих процессуальных гарантий закономерно будет лишен и потерпевший. К этому следует добавить, что обновленным Федеральным законом от 6 июня 2007 г. процедура дознания устанавливает, как об этом говорилось выше, более длительные сроки его проведения, которые, надо полагать, будут сокращены с учреждением упрощенного дознания. Речь, по-видимому, идет о воссоздании аналога бытовавшего в прошлом протокольного производства.

Есть основания считать, что предстоящая реформа предварительного расследования в еще большей степени придаст ему характер «прокурорского дознания», поскольку руководящая роль прокурора будет распространена на весьма значительный массив уголовных дел, включая и многие дела, которые ныне находятся в подследственности следователей и практически недоступны руководству прокурора.

Можно лишь предположить, что сопутствующее этому процессу ослабление процессуальных гарантий участников процесса при проведении дознания будет в какой-то мере компенсировано быстрой передачей уголовного дела в суд, где права этих участников получат надлежащее обеспечение. Нельзя при этом не учесть, что упрощенное досудебное производство, как это было показано ранее, широко применяется в судопроизводстве континентальных стран Европы (Франции и Германии).

К чему же придет в итоге наше предварительное расследование и удастся ли ему сохранить реальную возможность решения закрепленных в законе (ст. 6 УПК РФ) задач судопроизводства? Ответ на этот вопрос даст только время.

Примечания

¹ Даневский, В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / В.П. Даневский. — Киев, 2003. — С. 26-38. В современной литературе на это обращал внимание В.С. Шадрин. См.: Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В.С. Шадрин. — М.: Юрлитинформ, 2000. — С. 60-61.

² Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. — М.: Госюриздат, 1951. — С. 228, 234-235.

³ Деришев, Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция прокурорского и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.В. Деришев. — Омск, 2005. — С. 40-45.

⁴ См.: Деришев, Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России / Ю.В. Деришев. — Омск: Акад. МВД РФ, 2004. — С. 102.

⁵ В.С. Шадрин объясняет «зигзаги» в позиции германского законодателя тем, что и первоначальная, и установленная позже формы расследования в одинаковой мере страдали обвинительным уклоном, вследствие чего законодатель руководствовался стремлением выбрать из двух зол меньшее. См.: Шадрин, В.С. Указ.соч. — С. 63.

⁶ См., например: Гаврилов, Б.Я. Усовершенствование предварительного следствия (с позиций Федерального закона от 05.06.2007 г. № (87-ФЗ) / Б.Я. Гаврилов // Уголовный процесс. -2007. — № 9 (33) — С. 14-21.

⁷ См.: Лашкина, Е. Кудрин надеется на встречу / Е. Лашкина // Российская газета. — 2007. — 7 декабря; Богданов, В. Спорное дело Сторчака / В. Богданов, А. Шаров // Российская газета. — 2007. — 7 декабря; см. также: Перекрест, В. Генпрокуратура заступилась за Сторчака / В. Перекрест, Е. Шишкунова // Известия. — 2007. — 7 декабря. В последнем материале упо-

минается и другой случай возникновения разногласий между Генпрокуратурой и Следственным комитетом, — при рассмотрении в суде вопроса о даче согласия на заключение под стражу генерал-лейтенанта А. Бульбова.

⁸ См.: Демченко, В. Чем закончится «война элит»? / В. Демченко, А. Реут, А. Латышев // Российская газета. — 2007. — 17 декабря. Заметим, что Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка назвал «чушью» и «бредом» публикации некоторых СМИ о том, что между Генпрокуратурой и следственным комитетом существуют противоречия или даже противостояние. См.: Ямшанов, Б. Генпрокуратура компромат не ищет / Б. Ямшанов, А. Шаров // Российская юстиция. — 2007. — 26 декабря.

⁹ Это выявлено при анкетном опросе 318 практикующих юристов, в том числе 100 следователей органов внутренних дел Самарского региона. См.: Шейфер, С.А. Процессуальные и организационные проблемы совершенствования деятельности следственного аппарата / С.А. Шейфер, А.В. Бобров // Юридический аналитический журнал. — Самара. — 2006. — №1(15). — С. 5.

¹⁰ См.: Ямшанов, Б. Следствие для важных дел / Б. Ямшанов // Российская газета. — 2007. — 13 ноября.

¹¹ См.: Яшманов, Б., Шаров, А. Указ. соч.

А.А. Тарасов*

О ДОПУСТИМЫХ ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Суд присяжных всю историю своего существования был предметом жестоких споров и в обществе, и в уголовно-процессуальной науке. Для этих споров всегда была характерна не только яркая эмоциональная окрашенность, но и крайняя поляризация мнений как в отношении самой идеи суда присяжных, так и в отношении мельчайших процедурных деталей его деятельности. Оценки роли непрофессиональных судей, самостоятельно решающих главный вопрос уголовного дела — о виновности либо невиновности подсудимого — всегда колебались в невероятно широком диапазоне. На одном краю этого диапазона — анализ глобальных правовых преимуществ, открываемых разделением компетенции между профессиональной и непрофессиональной частями судейской коллегии, обоснование

* © Тарасов А.А., 2008

Тарасов Александр Алексеевич — д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет